

* * *

Там все храпели в этом поезде,
вагон был — что семейный клан.
Качало. Отступали горести.
Стучала ложка о стакан.
Выхрапывались откровения;
с соборностью наедине,
все спали-грезили и верили:
все то, что снится, — не во сне.
Под стук колес росло и ладилось
то, что разладилось давно,
и жизнь вздремнула и расслабилась
с фантазиями заодно.
Вдоль полнолуний с полноводьями,
минуя город и вокзал,
все ехали навстречу родине,
но где она, никто не знал.
И каждый верил и надеялся,
что будет спать до тех времен,
пока в душе не развиднеется, —
или на то, что это сон.
В мобильниках стучали новости
с колесами наперебой,
и все храпели в такт им в поезде
одною братскою судьбой.

* * *

А у кромки воды,
Там все люди становятся птицами,
И вдыхает Лузановка
Солью пропахшее небо.

Этот берег — в ладони песок —
Снова снится мне,
И колышутся жизни
В сплетениях памяти-невода.
Побережий пески —
Словно древних морей мемуары.
В склепах раковин,
Теплой водою подсвеченных,
Только тени усопших моллюсков,
Да йодистый траур,
Да личинки, как мумии,
Между прахом и вечностью.
Я иду и иду
По осколкам закатного зарева.
Волны катятся, словно пустые бутылки.
Это я их сама с побережья другого отправила,
А теперь вот встречаю у сна на развилке.
Прямо двинусь — проснусь;
Влево — встретит жужжанье сирен
И разбитые лодки мидий — чаек добыча;
Вправо — полые крабьи доспехи
Да солнце, давшее крен,
И оборванный след на песке —
То ли твой, то ли птичий...

НЕБО ИТАЛИИ

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой
Последующий шаг
Все дальше
Уводит
От привычного
Ориентира,
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза,
Возвращаю себе небосвод,
Где созвездия — как бесформенные скопления.
Ночью звезды не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо,
В котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп
И обследуй квадрат за квадратом.
Как умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему,
Не распавшись на клетку, на атом,

Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал,
Белых-белых, как шок отразившихся близких,
Так и я,
Задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни
Не вижу самой вокалистки.

* * *

*...после огня веяние тихого ветра,
и там Господь.*

(3 Цар 19:11-12)

Где обитает тихий ветер
И сны встречаются тайком,
Где жизнь рифмуется со смертью,
Пчела рифмуется с цветком,
Звезда — с душой, и перекресток —
Со сретеньем календарей,
Где дома солнечная блеска
И роза пенится морей,
Где шторм взбивает их перины,
Там Город в створке — притча притч.
Срифмованы судьбою с ним мы,
И даже в лютую годину
Нас не удастся разлучить.

* * *

Помнишь, луна над трубою светила?
Помнишь, домой загоняли всех силой
В самый разгар болтовни, беготни?
Помнишь, куда улетели те дни?
Как же не помнить!
Помню, конечно —
В темный скворечник
На ветке черешни,
Что пустовал по весне без скворца.
В нем только ветер гудел без конца.
Помню и лето, и все эти сказки,
Темное море в лунной окраске.
Кто-то кого-то звал из окна.
Все разошлись... Я осталась одна —
Где-то уже на другом побережье,
С новой жизнью, с памятью прежней.
Будто скворец, что тогда улетел.
Будто скворечник, что все еще цел.

* * *

Это ничего,
Это только ветер,
Это только машина завелась у дома,
Это только голубь
На подоконнике бредит,
И голубка бубнит в ответ монотонно.
Это только поздняя осень в учебнике.
Это только запах желтой страницы.
В нем настольная лампа
И свет предвечерний...
Это ожил отец.
Это только снится.

* * *

Дует корабль в трубу, берег приветствуя.
Столько песка унесло в его отсутствие!
Ждут его раковины с письменами детства,
Блики русалок в листьях морской капусты
И накренившейся лодки темный абрис,
Дом на заливе, утес, глядящий смиренно,
Как фиолетовый аист
Высматривает лягушку царевну...